

УДК 323.1+304.2+39

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.143

Вяйнё Таннер и дискурс о расовых различиях

© **Нюссонен Юкка**, доктор искусств, научный сотрудник, кафедра археологии, истории, религиоведения и теологии/кафедра культурологии, Музей Университета Тромсё. E-mail: jukka.kalervo@uit.no

Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.

Аннотация. Статья посвящена менее известному аспекту исследований скольт-саамов, проведённому Вяйнё Таннером, — его идеям о скольт-саамах с точки зрения расовых исследований. Рассматривается место Таннера в научной области расовой теории и дискурсивные ресурсы, на которые он полагался. Одним из

вдохновляющих современных дискурсов был финский гигиенический дискурс и улучшение здоровья нации, к которому склонялся Таннер. Он рассматривал аспекты более агрессивного евгенического дискурса, сформулированного его этническими сверстниками, финскими шведами, но дискурс об их расовом превосходстве был непригодным, учитывая круг вопросов в его книге, призванных поднять позицию скольт-саамов в расовых иерархиях. Экономическая организация общества была решающей для Таннера, в отличие от расового вопроса, что сделало его социальным эволюционистом.

Ключевые слова: Вяйнё Таннер, расовые исследования, исследования саамов, скольт-саамы

Väinö Tanner and the discourse on racial difference

© **Jukka Nyysönen**, Dr. artium, researcher, Department of Archaeology, History, Religious Studies and Theology / Department of Cultural Sciences, Tromsø University Museum. E-mail: jukka.kalervo@uit.no
University of Tromsø — The Arctic University of Norway.

Abstract. The article charts a previously lesser-known aspect of research on the Skolt Sámi by Väinö Tanner — his ideas on the Skolt Sámi as a race. Tanner's place in the scholarly field of racial theorizing and the discursive resources on which he relied are examined. One inspiring contemporaneous discourse was the Finnish hygienic discourse and the improvement of the nation's health, towards which Tanner leaned. He reproduced aspects of the more aggressive eugenic discourse articulated by his ethnic peers, the Finland-Swedes, but the discourse on their racial superiority was unusable, given the agenda of his book, to elevate the Skolt Sámi in the racial hierarchies. The economic organization of society was decisive for Tanner, rather than race, making him a social evolutionist.

Keywords: Väinö Tanner, research on race, studies on Sami, the Skolt Sami

Введение

Когда Вяйнё Таннер (1881–1948), геолог и профессор географии в Университете Хельсинки, писал свою основную работу о скольт-саамах «Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. 1 Skoltlapparna» («Антрополого-географические исследования в районе Петсамо. 1, Скольт-саамы», 1929, далее — «Антропогеография»), интеллектуальная жизнь стран Северной Европы, Западной Европы, Северной Америки и британских доминионов была пронизана дискурсом о расовых различиях. Расовые исследования и дискурс, от которого они зависели, иллюстрировали как разделение человечества на расовые категории, до момента критики этого разделения, так и «истины» того времени, которые измерялись и обсуждались, как результаты научных исследований. Краниология, до того, как она достигла

своего научного тупика, имела репутацию точной и нейтральной научной дисциплины, практикуемой профессионалами с использованием статистических методов. Евгеника имела политический призыв как к консервативным правым, так и к прогрессивным левым, не говоря уже о новых радикальных политических движениях, все из которых разделяли чувство страха перед дегенерацией общества. Всё это повлияло на политику: страхи, связанные с сосуществованием и смешением рас, а также с исчезновением белой расы, сформировали составную часть политики расового разделения и ограничения на иммиграцию. Антропология и поиск корреляции между биологическими и культурными особенностями подвергались критике с 1890-х гг., в то время как более серьёзный кризис расовой науки развивался в 1920-х и 1930-х гг. Антропологи и биологи начали критиковать основные понятия расового мышления в то время и потому, что эти понятия агрессивно практиковались в нацистской Германии. Существование чистых рас было уже отвергнуто учёными в это время [1, Kemiläinen A., с. 186; 2, Lake and Reynolds, с.254–255, 310–335; 3, Tydén M., с. 24–25, 32].

Вопрос о расе был связан с опасениями относительно выживания и здоровья наций, а также о конкуренции в отношении предполагаемого места, которое каждая нация имела в расовых иерархиях той эпохи. Финляндия была определена как место жительства трёх рас, в том числе финской (классифицированной как монголоидная или восточно-балтийская раса) и германской, представленной финскими шведами (меньшинство, к которому принадлежал Таннер и с которым он себя идентифицировал).

Расовые статус и чистота также были причиной беспокойства и интереса в отношении третьей расовой группы: саамского населения Финляндии. Чиновники и учёные интересовались саамскими родственниками, которые находились в процессе культурной и этнической «финнизации» или «саамификации». Этот процесс может идти в обоих направлениях: финские родственники могут находиться в процессе адаптации к саамам. Тем не менее, финские образованные классы развлекались идеями «чистого» саама и «настоящих» финнов, по отношению к которым низкие и слабые саамы были в процессе ассимиляции. Эти классификации также имели расовый ракурс, и люди были классифицированы по параметрам, к которым склонялась «смешанная популяция» [4, Lehtola V.-P., с. 41; 5, с. 265].

В этой статье описывается расовое мышление Вяйне Таннера. Таннер пользовался репутацией учёного, «дружественного к саамам» поэтому расовый аспект его исследований скольт-саамов был непростой стороной его научной деятельности: признанной, но обойдённой вниманием в недавних исследованиях его работ. Географ Пауло Сусилуото упоминает интерес Таннера к расовым особенностям скольт-саамов, но он делает это мимоходом и

утверждает, что Таннер не предлагал объяснений расовой биологии в своих исследованиях о культуре и обществе скольт-саамов [6, с. 16]. Мы не будем исследовать идеи Таннера о расовом статусе скольт-саамов и теоретическое направление, которого он придерживался в антропологических/расовых и биологических терминах, а также идеологически. Какими были провокационные дискурсы, против которых он выступал? Основное содержание статьи следующее: сначала исследуем расовую дискуссию из книги с контекстуальным сторонним взглядом относительно влияний на Таннера. После этого рассмотрим финские обсуждения по евгенике и национальной гигиене, что, по нашему мнению, оказало влияние на мнение Таннера.

Хотя общественное строительство более чем основано на принципах биологии [7, Gunaratnam Y., с. 3–4; 8, Isaksson P., с. 360–362], раса и расовое исследование всегда были составной частью для членов «рас» как социальный, классифицирующий факт и служивший в качестве дистанционной и внутригрупповой формы, ограничивающий функцию для исследователя и исследуемого. Само / прочие диалектики всегда присутствуют в исследованиях народных групп; эти диалектики не всегда должны принадлежать к расовым меньшинствам, и им не нужны социальные и политические импликации, но во времена Таннера эти импликации присутствовали в расовом дискурсе [8, с. 55, 57].

Подробное изучение истории исследований рас и расовой классификации саамов возможно в рамках данной статьи только в той мере, в какой это необходимо для контекстуализации и позиционирования подхода Таннера. Это сложная история интуитивного и теоретического исследования, которое претендует на научность и рассматривается в предыдущих работах по этому вопросу [напр. 3; 8; 9, Kyllingstad J.R.].

Источниками этой статьи является сам текст Антропогеографии Таннера, заметки и рукописи, собранные Таннером в его личном архиве. Как метод используется типичный подход из истории идей, выявления существенных сегментов научного знания и работ авторов, которые повлияли на Таннера, и позиционирования его в научной области. Наш подход и чтение источников также являются дискурсивными: интерес заключается в том, как учёные и Таннер позиционировали, иерархически упорядочивали и кодировали разные народные группы. На какие дискурсы он откликался и против каких возражал? Исследования — это дискурсивная практика: вместо того чтобы отражать реальность, наука опутывается социальными и политическими отношениями и предполагает идеологическое и дискурсивное построение объекта исследования. Эти отношения можно проследить исторически и изучить как контекстно-специфические для исследования. Исследования активно производят свой

предмет, например, расовые различия между колонизатором и колонизированными. Полученные знания — это не просто факты, а возникающая собственность между лицами, находящимися в разных позициях, включая исследователя, собственность, которая может использоваться дискурсивно и подвергаться анализу [7, с. 7–9]. Поэтому предметом этого исследования является не этническая принадлежность скольт-саамов как таковая, а дискурсивный процесс её строительства, а также его оспаривание Таннером.

Прежде чем мы вернемся к Таннеру, необходимо отметить, что саамы не были осведомлены либо обижены поведением большинства людей при встречах, в которых каким-либо образом затрагивался вопрос их расового положения. Реакции варьировались от выражения неловкости и чувства опасности до общего недоверия и взволнованной гордости [10, Rosberg J.E., с. 158–159, 191–192]. Однако эта сторона вопроса выходит за рамки настоящего исследования. Другое дело, что финское политическое мышление той эпохи было пронизано идеями различий между национальностями, а также мнениями о русских / Советам. В последующем тексте содержатся идеи того времени о «других» финнах, русских. Эти идеи, обострённые расовыми характеристиками, должны читаться контекстуально как исторические, а не как свойственные автору этой статьи утверждения.

Таннер и расовая проблема: были ли скольт-саамы смешанной расой?

Дискурс о расовых различиях был сформулирован как любителями, так и учёными, стремящимися к серьёзным исследованиям. Таннер не смог этого избежать, но использовал и модифицировал существующие научные инструменты. Главной темой *Антропологеографии*, великого синтеза Таннера по адаптации скольт-саамов и социальной формы, а также истории и географии саамской деревни (*siida*), было его стремление поднять скольт-саамов в рамках существующих категорий научными средствами, которые были законными, и в пределах, разрешённых расовым дискурсом. Ещё одна задача Таннера заключалась в том, чтобы заложить основу для его собственной экспертной позиции, что было очевидно в его патерналистских советах скольт-саамам по наиболее подходящей для них форме адаптации, которая относится к полукочевому оленеводству; кажется, что эти вопросы могут противоречить друг другу, и это является одним из многих внутренних противоречий, из-за которых страдает его книга. На самом деле, его книга не была закончена, о чём знал сам Таннер.

Работы девятнадцатого века о саамах включали многочисленные размышления о саамах как ассимилирующихся и угнетённых людях и подробные описания характера саамского народа («они во всех отношениях взрослые дети, любознательные, беззаботные, неум-

ные...»¹). Таннер обходился без подобных описаний в своей книге, и для этого есть научное обоснование: возможно, он считал их необоснованными с точки зрения метода и научной точности. Описания народных черт стали казаться устаревшими и получили (заслуженную) критику в 1920-е гг.: им не хватало жёсткой эмпирической основы; их нельзя было проверить, они были субъективными; ранее использовались как синоним расы и были признаком дилетантской концептуальной научной системы. Физические антропологи стали использовать эти параметры на новом уровне точности и строгости. Новая отрасль науки измеряла видимые, соматические переменные, на основе которых учёные делали более контролируемые оценки возможностей и характера разных народов как научные факты [1, с. 88 и далее, 184–185, 202, 224–225, 238, 242; 11; Cvetkovski R., с. 11]. Продвинутые авангардные исследования предоставили инструменты для изучения народов более научным путем с помощью измеримых переменных, касающихся расы. Таннер предпочёл обновить своё исследование скольт-саамов, опираясь на эту трансформацию парадигмы.

Таннер использовал расовые рассуждения и терминологию, такие как *тип*, происходящие из расовых исследований, в других отрывках своей книги. В начале книги Таннер предполагает, что саамы были изначально агломерацией различных расовых элементов. Самое старое основание для этого — арктическая культура каменного века, благодаря которой Таннер воссоздаёт долгую древнюю историю. Эта культура приняла другие восточно-балтийские и скандинавские элементы, которые укрепились или объединились в культуру вокруг прирученного оленя (*tamrenkulturen*), составляющую культуру лопаря или саама. Это произошло уже в доисторические времена. Приручённые северные олени помогали собрать вокруг себя группы саамов: «*reuplades*» (здесь: небольшие изолированные группы саамов) как культурно объединённых людей [12, с. 28].²

Это можно рассматривать как комментарий к расистскому и диффузионному дискурсу о саамах; вместо того чтобы стать отдельной расой и людьми, способными принимать культурные элементы только путем диффузии, саамы впитали различные расовые элементы и активно приняли культурные. Это осложняло построение иерархии больше, чем при презумпции классической физической антропологии о том, что расы были отдельными величинами, а расовое смешение порождало только дегенеративные формы. Скорее всего, это был комментарий к норвежским и шведским исследованиям, связанным с расовой чистотой и

¹ ATUM (Archive of Tromsø University Museum), AVT (Archive of Väinö Tanner), box 2, folder 1e, notes. Undated notes on Vahl (1866). Tanner quotes I. Vahl's *Lapperne og den lappske mission* (Kjøbenhavn 1866).

² ATUM, AVT, box 5, folder 6a: *Notater om samer*, Manuskript (delvis): *Nordlapparna och deras differentiering*: manuscript with the same title.

германским происхождением скандинавов. Как норвежские (расовая евгеника Джона Мьёена), так и шведские (Герман Лундборг) исследователи резко и неоднократно предупреждали об опасности смешения рас: саамы являются фактором, ухудшающим расовые ресурсы. Это особенно верно в отношении сочинений Германа Лундборга, профессора из Уппсалы, до 1936 г. — главы Шведского государственного института расовой биологии, антисемита и сочувствующего фашистам, чьи расовые биологические тексты, пропагандирующие расовую гигиену, хорошо известны своим расизмом [3, с. 29; 8, с. 55–64, 147–148; 9, с. 82–85]. Таннер прочитал и заимствовал некоторые основные термины из Лундборга, но не из Мьёена.³ Список источников заимствованных расовых элементов (скандинавские, восточно-балтийские) отличается от списка более ранней рукописи, в которой источники упоминаются как «финские, скандинавские и славянские».⁴

«Нордические», скорее всего, относятся к скандинавским расам. «Финские» были заменены правильным и недавним антропологическим термином «восточно-балтийские». Возникшие в шведских расовых исследованиях в начале двадцатого века, они изображались как расовые в Балтийском регионе, как доминирующие в Финляндии и немного менее цивилизованные, чем шведские. Финские учёные приняли эту идею отчасти потому, что новый термин дистанцировал финнов от нежелательной категоризации в качестве одной из монголоидных рас. Рольф Норденшрэнг, родом из Финляндии, и Каарло Хильден были главными сторонниками этой теории [1, с. 234–252]. Последний также упоминается в списках литературы *Антропогеографии*. Термин «славянский» был просто удалён. У Таннера были проблемы с принятием культурных и расовых заимствований из этого направления.

Позже в книге, в главе о (физической) антропологии скольт-саамов, Таннер прокомментировал самые экстремальные выводы немецких учёных, которые назвали скольт-саамов патологической расой (с потенциальной коннотацией угрозой жизни и жизнеспособности более сильной расе) из-за расового смешения; Таннер не хотел видеть, что скольт-саамы находятся слишком низко в расовых иерархиях. Ещё один аспект, который он отрицал или на первом этапе заявлял, что он не компетентен обсуждать, это монголоидные черты скольт-саамов, типичная категоризация расовой принадлежности саамов [8, с. 46].

По мнению Таннера, скольт-саамы не были монголоидной расой, и у них не было значительного генетического контакта с ними: они не обладали типичными физическими

³ ATUM, AVT, box 2, folder 6b, diverse antäckningar, undated notes on Lundborg H. & Linders, F.J.: The racial character of the Swedish nation (1926) and Backman G.: Ett standardverk över svenska folkets antropologi, Ymer XLVII, 2, 1927.

⁴ ATUM, AVT, box 2, folder 6a: Notater om samer, Manuskript (delvis): Nordlapparna och deras differentiering.

отличительными знаками: ни монголоидными, или эпикантальными (*mongolvecket*), не имели монгольских пятен (*mongolfläcket*), и поэтому не были генетически связаны с самоедами. Таннер определял скольт-саамов как расово отделённых, обособленных людей «полупигмеев» (*halvpygmeisk*) и как гипербрахицефалический народ, то есть с низким цефалическим индексом [8, с. 69, сноска 5, 323–324; 9, с. 20–5, 134], который пережил последний ледниковый период в некоторых изолированных районах Центральной Европы, откуда следовал за тающим льдом во внутренние районы Фенноскандии.

Таннер использовал параллели между наскальными рисунками в поселениях палеолита и в некоторых районах, населённых центрально-европейскими народами-охотниками. В этом отрывке книги Таннер неожиданно перестаёт упоминать о расовых и культурных заимствованиях (см. выше). Из-за специфики природной среды, в которой оказались саамы, они обеспечили себе генетическую изоляцию, генотип, а также особенности исходной культуры, в том числе силу, создаваемую особой устойчивостью, характерной для субарктических областей, к которой Таннер относился положительно, а не как к стагнации [12, с. 287].

Из-за специфики природной среды, в которой оказались саами, они обеспечили генетическую изоляцию, генотип, а также особенности исходной культуры, в том числе силу, создаваемую особой устойчивостью, характерной для субарктических областей, к которой Таннер относился положительно, а не как к стагнации [12, с. 287].

Несмотря на то, что рассуждения Таннера демонстрируют интеллектуальные недостатки, присущие антропологическим рассуждениям, он также говорит о том, что позиционирование скольт-саамов в сторону от проблемных, стигматизированных категорий, таких как монголоидная раса, считалось дегенерацией. Дискуссия также демонстрирует программное следование его тезису о несоответствии расовых и культурных границ [12, с. 16]. Утверждая это, все классические расовые классификации — монголоидные и саамские/гипербореицы — ставили саамов ниже, чем представителей белой идеальной расы. То же относится и к категориям, которые использовал Таннер: «полупигмеи», которые, по крайней мере, в более ранней литературе относились только к невысоким саамам [13, Rosberg J.E., с. 2–5] и «гипербрахицефалический», с коротким черепом. Либо Таннер не имел никаких проблем с этими категориями, либо не мог решить проблему своих встроенных иерархий. Как бы то ни было, Таннер проявил ещё одну предвзятость в отношении расы: саамы были подняты в иерархии через их генетическую обособленность от финского и славянского народа, составляя собственную самостоятельную группу.

Вместо построения иерархий, расовые исследования могли также изучать степени родства и типы взаимодействия [14, Mogilner M., с. 94–95, 106–107]. Таннер хотел установить генетическую связь и родство с карельским народом. Несмотря на то, что карелы оказались в восточной сфере и неоднократно представлялись как смешанные с русскими (например, 15, Friis J.A., с. 291], они составляли менее обременительный выбор для Таннера, если говорить о карелианизме эпохи.

Карельский элемент присутствовал со времен средневековья: так, несколько скитальцев были полностью ассимилированы и обращены в культуру скольт-саамов. Карелы также присутствовали на морском побережье Арктики, радуясь тому, что саамские женщины выбирают их в мужья, по крайней мере, в сиידах Паасайоки и Петсамо [12, с. 288]. Многие финско-шведские учёные также использовали карелов в качестве примера для сравнения с неблагоприятным образом (древних) финнов как низшей из народных групп, проживающих в Фенноскандии.

В отличие от Сусилуото, похоже, что смешение рас было определённой проблемой для Таннера, как видно из многочисленных примеров, взятых в следующих отрывках книги. Для начала следует отметить, что Таннер поддерживал идею немецкого расового теоретика Рудольфа Вирхова о расовом смешении. Для Вирхова расовое смешение было фактором, ухудшающим расу, и Таннер был очень близок к определению саамов как людей с меньшей способностью к развитию (в других местах книги Таннер отрицал идею Вирхова о саамах как патологической, т.е. дегенеративной расе, явившейся результатом смешения рас [12, с. 289]).

Таннер обсуждает гипотезу о том, что смешение рас было сильнее в Петсамо, чем в других регионах, населённых саамами. В таком случае, согласно его гипотезе, «расовый исходный материал» в Петсамо для скольт-саамов является не саамским, а карельским.

Это карельское «расовое ядро», менее приспособленное к экстремальным условиям в Арктике, стало причиной того, что скольт-саамов так подавляли в их среде. Таннер комментирует восприятие скольт-саамов Амондом Хелландом как низшей и умирающей расы, (Хелланд писал в 1906 г.: «Скольты — это низшая раса в иерархии, без жизненной силы или будущего». «Skolterne' er en lavstaaende race, uden livskraft og uden fremtid».) и поспешил объединить скольт-саамов — с позитивной ссылкой на норвежского историка и географа Ингвара Нильсена — с норвежскими саамами, которых не воспринимали как дегенеративную расу. Для Таннера саамы были физически и культурно развивающейся группой; тот факт, что они были физически ниже «западных саамов», объяснялся диетическими причинами и острой бедностью, от которой страдали скольт-саамы [12, с. 290–291; 16, Helland A., с. 6]. Ли-

тература Таннера включала работы ранних экологов, таких как Карл фон Линне, который соотносил невысокий рост саамов с малым количеством потребляемой пищи.⁵

Подчёркивая потенциал развития скольт-саамов, Таннер позиционировал себя как представителя ламаркистской школы недетерминированных расовых рассуждений, хотя и без прямого упоминания данного факта. Саамы не были предрасположены к низкому положению из-за расы или биологии, как полагали многочисленные школы, вдохновлённые основополагающими теоретизированием Джозефа Артура де Гобино. Но этот отрывок показывает, что Таннер не контролировал процесс написания или анализа: способ обозначения расового смешения и его результатов противоречит многочисленным предыдущим отрывкам в тексте и следует за популярной литературой Таннера (Вирхов, Нильсен). Окружающая среда теперь стала фактором, который не возвышает, но связывает скольт-саамов с их самобытностью.

Этот отрывок из книги можно с большой уверенностью использовать в качестве доказательства спекулятивного метода расового исследования: отсутствие эмпирического материала, который, скорее всего, только бы запутал дискуссию, привёл к появлению текста, в котором ранее были представлены спекулятивные научные мнения, выбор между ними предлагается в противоречивой форме, а возникающий хаос усугубляется собственной предвзятостью Таннера. В этом отрывке также показано, насколько глубоко Таннер был погружён в расовые дискурсы, где изучаемыми переменными были социальные и бытовые факты, а научные величины требовали дальнейшего обсуждения.

Уровни гигиены и состояние скольт-саамов

Глава об антропологии скольт-саамов в *Антропогеографии* является частью более широкой дискуссии о жизнеспособности скольт-саамов, актуального аспекта научного и политического исследования того времени. По мере того как Таннер собирался исследовать «антропологический тип» скольт-саамов, он классифицировал поставленную задачу как один из аспектов построения «состояния населения». В этой главе прослеживалась чётко выраженная функция игнорировать мнение о саамах как об исчезающем или умирающем народе, широко распространённая среди скандинавских исследователей. Таннер объединил свои усилия с обновлёнными исследованиями: скольт-саамы были ниже остальных только в относительном выражении, в процентах от общей численности населения, с положительной оценкой, подтверждённой К.Б. Виллундом и Дж.Е. Росбергом [13, с. 38–54; 17, с. 149].

Таннер подробно описал, ссылаясь на различные оригинальные источники и литературу из России и Финляндии и Швеции, что их общее количество на самом деле медленно рас-

⁵ ATUM, AVT, box 5, folder 6b, notes, undated notes on Iter Lapponicum, by Linné.

тёт. К факторам, которые замедляют рост населения, относятся эпидемии и высокая детская смертность. Таннер не указывает на какие-либо иерархические или биологические причины, вместо этого объяснением являются социальные условия: женщины скольт-саамов теперь редко упоминаются, они ослаблены постоянным трудом и необходимостью заботиться и поддерживать большое количество детей путем озёрного рыболовства, в то время как их мужья занимаются морским рыболовством. Это приводит к многочисленным выкидышам и несчастным случаям со смертельным исходом в семьях, поскольку дети оставались одни [12, с. 293–325].

Таннер считал, что общая ситуация со здоровьем скольт-саамов была лучше, чем у других саамских групп, в то время как их учёт по гигиене был смешанным: было много аспектов, касающихся обращения с отходами, которые нуждались в улучшении домашней гигиены, но Таннер считал личную гигиену скольт-саамов лучшей среди многих других популяций (Castrén M.A. and Friis J.A. [15, с. 296] сделали аналогичные наблюдения).

Таннер открывает свою дискуссию, ссылаясь непосредственно на вариации в соответствии с «климатической и культурной широтой», которая интерпретирует уровни развития в соответствии с более северным уровнем климата, связанным с менее культурным уровнем развития. Гигиена — физическая/личная, а также психическая — воспринималась Таннером как очень относительный термин, но текст не избежал иерархий, установленных вначале. Таннер ссылается на улучшения, которые произошли на примере поселенцев, недавно переехавших в эту местность, это касается старых «предрассудков» и, в частности, суеверий духовной нечистоты, ещё раз определяющих скольт-саамов как получателей высших культурных импульсов [12, с. 280, 325–328].

С другой стороны, дискуссия об антропологии скольт-саамов и о расовой биологии была частью раздела, посвящённого сомнениям относительно физического обоснования возможностей для развития среди скольт-саамов. После сложностей с проведением исследований, внося свой довольно незначительный вклад, Таннер уменьшил ценность расово-биологических доказательств в «нашей эпохе практичности» («vårt praktiska tidevarv»).

«В наш век было бы нелогично судить о возможности физического развития народа только по устаревшему количественному материалу, поскольку в эпоху евгеники никто не позволяет дать волю природе и случаю, как это обычно было в прошлом. Наш век требует знания качества всех элементов, определяющих прогресс численности населения, а также способности людей к административным полномочиям в соответствии с показателями, что природа этих элементов даёт им возможность и приглашает их». Эта цитата указывает на

наличие лёгкого чувства недоверия к евгенике и расовой биологии, особенно когда они имеют слабое эмпирическое основание [12, с. 328].

Соответственно, нет необходимости улучшать генофонд, но вместо этого необходимо оказывать помощь с уровнем гигиены и здоровья. Необходимость улучшения была очевидна в отношении низкого качества жилья, питания и одежды, а также «беспомощности против острых заболеваний», перенапряжении и т.д., которые ухудшали физическое состояние людей и ограничивали их рост. Самым большим бедствием была исключительно высокая младенческая смертность: это объяснялось, по словам безымянного «русского врача», низким качеством ухода, что приводило к смерти здоровых детей из-за их ослабления в младенчестве. Таннер отказался от использования евгеники и расовой гигиены: оставшаяся часть его заключительной главы предложила гигиенические, но не расово-гигиенические меры по улучшению здоровья общества скольт-саамов. Он предложил систематическое просвещение в области общей гигиены и ухода за детьми, наиболее рьяно даваемых «образованным получателем стипендии» («fackligt skolad stipendiat», Таннер хотел подчеркнуть этот момент). У скольт-саамов была надежда и жизнеспособность из-за их восприимчивых умов и их сущности, унаследованных от их предков, которые были здоровы как таковые (понятие, подкреплённое ссылкой на другого русского врача Шмакова) [12, с. 328–329]. В реальной исторической обстановке скольт-саамы были связаны с национальным проектом здравоохранения: районный врач Лаури Халонен начал посещать зимнюю деревню Суоникуле и прививать младенцев, а школьники получали медицинское обследование один раз в год; в школе также был небольшой магазин лекарств и повязок [18, Nickul K., с. 57].

Таннер вернулся к основной теме своей книги — бедности, вызванной отказом от старой жизни скольт-саамов, от полукочевого оленеводства, что привело к дезинтеграции северного общества. Таннер добавил новый элемент схемы, в которой новый оседлый способ существования ещё не заменил старый, и скольт-саамы ещё не вступили в фазу, типичную для развития людей «природы», находящихся в контакте с более «продвинутыми» культурами: благосостояние сначала резко падает, но медленно растёт снова, когда осознаётся ценность нового способа существования, и люди природы научаются его использовать, и тогда индивидуальные и коллективные выгоды от нового существования становятся очевидными. Ключевым моментом будет улучшение экономического положения скольт-саамов, позволяющее им достичь счастливой жизни в будущем. Таннер добавил, что финское государство не должно быть им в этом помехой. Если бы экономическая ситуация улучшилась,

тогда «мы вовсе не должны опасаться, что ортодоксальные саамы Петсамо либо исчезнут, либо вырождаются, как это утверждалось ранее» [12, с. 329].

Позиция Таннера по отношению к расовой биологии и самым расистским произведениям в отношении саамов, наконец, становится ясна: скольт-саамы — народ, способный к развитию. Но иерархии всё же испортили текст из-за положения, в котором скольт-саамы, по определению Таннера, оказались на нижних ступенях лестниц развития и культуры. Нет никакого противоречия между позитивным отношением Таннера к полукочевому образу жизни и новой позицией, которую он занял в отношении бедного государства, в котором полукочевой вариант был утрачен, а народ прогрессировал по шкале, установленной автором. Кроме того, это было подразумеваемой критикой неудачной государственной политики Финляндии.

В качестве предварительного вывода можно сказать, что у Таннера не было проблемы с размещением саамов на низком уровне культурной эволюции (первобытный-охотничий-фермерский-аграрный-промышленный/городской), как и у многих других учёных, которые становились всё более эволюционистскими и теоретизирующими об арийских и других более сильных расах, подталкивающих лапландский народ к окраинам Скандинавии. Что касается скандинавских проектов национального строительства, эта идея имела хороший резонанс, и роль саамов была зафиксирована как менее значимая [8, с. 99–104; 9, с. 23–25].

Финское теоретизирование о саамах было в равной степени триумфальным, а наиболее расистская финская литература была загружена замечаниями о низком происхождении скольт-саамов, и это было вызовом для Таннера [12, с. 281–282]. Эти идеи эволюционных схем или исторических матриц были натурализованы в мировоззрении людей тех времен, но то, что сделал Таннер, заключалось в положительной оценке длительного периода скотоводства, в котором жили саамы. В этом обсуждении он не мог контролировать влияние окружающей среды на статус саамов на протяжении всей книги. Что касается возможностей саамов и способности выбора, то Таннер проявил по меньшей мере отеческие черты, так как он попытался прокомментировать самые агрессивные иерархии. Таннер не проявлял готовности избавиться от расы как функционирующей, нормативной и существенной категории: той, которая была очевидна для глаз, психологически приятной позиции для принятия теми, кто выше в иерархии, и определённо является частью принятых убеждений научных традиций того времени. Таннер был наиболее последователен в своем негативном отношении к расовой гигиене.

Шведско-финский расовый и гигиенический дискурс

Прослеживалось три дискурса, которые провоцировали Таннера: скандинавские и финские дискурсы о саамах, которые занимают более низкое положение, способ найти положение скольт-саамов в российской сфере и неприязнь к евгеникам. Какие положительные влияния и контекстуальные факторы могут быть названы решающими в программе Таннера по гигиеническому спасению? Уровни гигиены и здоровья наций были предметом обсуждения в молодой финской республике, и эта дискуссия даёт возможность определить место Таннера в идеологической области. Во-первых, был проведён короткий опрос финско-шведских рассуждений о расовых иерархиях и после этого дискуссия о финских и шведско-финских дебатах о национальной и расовой гигиене.

В XIX в. и начале XX в. финско-шведские идеологи и политики традиционно ссылались на германское расовое превосходство, в отличие от финнов и русских. Идея двух национальностей, проживающих в Финляндии, берёт начало от движения Свекоман (Svecoman), реакции финско-шведского националистического движения на финский национализм, фенномаанию (Fennomania). Разница между двумя национальностями была объяснена Акселем Олофом Фройденталем в 1850-х и 1860-х гг. Идея о том, что шведы — это германская / арийская раса, способная к государственному строительству, находящаяся выше по культурной лестнице по сравнению с финнами, получила широкий резонанс среди финно-шведов со второй половины девятнадцатого века. В этих национальных иерархиях финны были размещены рядом с русскими, в то время как шведы и немцы стояли на высшем уровне как идеализированный стандарт [1, с. 144–150]. Первоначально финны принадлежали к примитивным, туранским, азиатским или монголоидным расам (по мнению различных учёных). Однако монголоидные черты находились в процессе исчезновения из-за смешения между финнами и европейскими расами [19, Molarius P., с. 94–97]. Одной из групп, которые подчеркивали расовую разницу между финнами и шведами, были шведскоговорящие врачи. Вместе с евгеническим движением, это было предметом научных дискуссий, и только позже стало понятно, что две народные группы отрицали исследования типов крови [1, с. 151–183; 20, Hakosalo H., с. 44].

Говорят, что германские расовые черты шведскоязычного населения включают выносливость, активность и другие положительные характеристики. Меньшего роста, большеголовые, раскосые, серьёзные и меланхоличные финны были более склонны к депрессии, пассивности, коллективности, имели тенденцию к массовому внушению и другие характеристики, означающие примитивность. Эта доктрина была подкреплена скандинавской ориентацией и

была защищена, в частности, шведской народной партией (оценка 1906 г.). Спор касался владения культурной и политической властью, поскольку, например, считалось, что расовые характеристики, согласно Гобино, определяли социальные отношения и культурный потенциал.

Согласно теориям Ипполита Тейна, люди были связаны их биологической основой, но повышение в культурной иерархии было возможно только постепенно: слишком большой шаг вверх по социально-культурной расовой лестнице приведёт к трагедии и несоответствиям между характером и новой средой. Теории Тейна применялись, например, в литературе финно-шведов и также прослеживаются в размышлениях Таннера о скольт-саамах, оказавшихся в несчастливой фазе их развития. Одним из аспектов этого является страх перед расовым смешением и дегенерацией шведскоязычного населения, а также опасения по поводу угрозы, что более низкие и более жёсткие расовые характеристики влияют на общественный порядок. Культура была силой, укрощающей эти первичные импульсы у людей [19, с. 97–112].

В финско-шведских текстах, опубликованных на рубеже веков, расовый статус финнов был непрочным: положение варьировалось в разных исследованиях, но во многих случаях финны были классифицированы как монголоиды; во время «периода русификации» (1899 г.) монгольская раса ассоциировалась с российской сферой и была ещё более заполнена русофобскими представлениями, которые процветали в то время в отношении культурной стагнации, политической нестабильности и коммунизма. Восточные коннотации монгольской вины стали также растущей проблемой для финнов из-за усиления русофобии и антироссийских настроений на финской стороне [1, с. 112–114; 8, с. 261–270].

Расовый дискурс о России и русских становился всё более враждебным в течение 1910-х гг., а части шведскоязычной элиты развивали крайне шовинистические и антироссийские настроения. Битва за шведский язык и культуру также приобрела общественно-политическое измерение: в независимой Финляндии шла расовая и культурная борьба. Война 1918 г. обострила эту дискуссию: элита указала, как во время войны шведскоязычное население проявляло большой иммунитет к российскому влиянию и большевизму. Расово здоровое шведскоязычное население являлось гарантией независимости Финляндии в рамках параметров, определённых победоносной белой армией [21, Knapas R., с.142; 22, Mattila M., с. 121]. В расовых исследованиях того времени Финляндия, по-видимому, была разделена на германские и монголоидные расы, тогда как шведы были уверенно и твёрдо помещены в высшие германские ряды или в состав «нордической расы» [1, с. 168–183; 8, с. 270–281, 284, 297].

Книга Таннера в основном не касалась дискурса о расовом превосходстве германцев / шведов, но есть довольно много отрывков, которые показывают скандинавскую предвзятость: список генофондов скольт-саамов, рассмотренный выше, и способ, которым Таннер поместил нордическую расу впереди восточно-балтийской, являются объяснениями этого.

В архивной рукописи Таннер изобразил финских поселенцев менее способными, чем скандинавские крестьяне, приспособляющие оленеводство к своей многосоставной экономике: вместо этого они ассимилировались к саамскому оленеводству, снижаясь в культурных иерархиях.⁶ Это свидетельствует об обязательстве перед дискурсом шведского превосходства, с которым у Таннера были двойственные отношения: это была идея, лёгкая для адаптации, но непригодная для использования, поскольку акцент на превосходстве германских рас укрепил низкую позицию скольт-саамов в иерархиях и в книге. Одно неоспоримое вдохновение — это проблемные отношения со всем русским — дискурс, разделяемый, с другой стороны, и националистическими финнами.

Таннер и дебаты по национальной гигиене

В финско-саамских встречах наиболее типичным способом определения гигиенического дискурса является множество оценок саамского уровня гигиены, предоставляемых учёными и туристами. Среди первых вещей, о которых сообщали туристы, были чистота одежды, личная гигиена и гигиена их жилья; саамов считали ниже финнов или норвежцев [23, Nyysönen J., с. 47]. Таннер воспроизвёл эту литературную традицию также в разделе о морских саамах, где показал их чистое жильё, восхваляя то, как саамы ненавидели паразитов [12, с. 68–69]. В свою очередь, *национальный* гигиенический дискурс был местом дебатов, направленных на поиск путей улучшения ситуации, сложившейся в Лапландии и Петсамо. В Финляндии необходимо было повышать гигиенический уровень нации, а также национальное здоровье и процветание. Гигиенический проект имел воспитательную цель поднятия нравов низших классов, чтобы соответствовать нравам растущих средних классов: идеалами были бережливость, трудолюбие, высокий уровень морали и этика [24, Halmesvirta A., с. 13 и далее].

Молодая нация была объектом многочисленных собирательных проектов. Эти проекты строились на вере в существование народного характера, свойственного (в существенном смысле) всей группе. Как и общая культура нации, они были склонны к дегенерации или ре-

⁶ ATUM, AVT, box 3, folder 6a: Notater om samer, Manuskript (delvis): Nordlapparna och deras differentiering: manuscript with the same title.

генерации, к разложению или возвышению, но могли формироваться различными национальными проектами.

Вмешательство в сферу жизни было, пожалуй, самым значительным в рамках проекта «здоровье», известного ещё со времён имперской политики. Данный проект рассматривал людей как объект и овеществлял их, что позволяло поставить в приоритет некоторые аспекты качества жизни ценой потери этими людьми некоторых культурных черт, вынуждая их совершать вандализм в отношении памятников своей культуры, которая определялась как низшая, нецивилизованная, туземная. В Финляндии и в девятнадцатом, и в начале двадцатого века элита объединяет расточительность и нищету с низким уровнем гигиены, и это воспринимается как признак отсутствия культуры среди низших классов [26, Heinonen V., с. 137–138]. Священники северной Лапландии боролись с культурным шоком, встречая уровни гигиены, в условиях жизни кочевников девятнадцатого века, часто живущих в торфяных хижинах. Ритва Килли также обнаружила признаки того, что священники занимались просветительскими проектами, направленными на саами, чтобы возвысить их ближе к финским стандартам [27, с. 312–314].

Как и везде, где «высшая раса» противостояла или существовала и в том же обществе, что и «низшая раса», здоровье и жизнеспособность высшей расы воспринимались как находящиеся под угрозой. Страх перед дегенерацией, особенно сильный среди финско-шведских врачей, скрывался за послушным отношением среднего класса. Расовая гигиеническая дискуссия была инициирована финско-шведскими врачами, которые были воодушевлены Швецией. Эпоха была отмечена дебатами между шведскоговорящими врачами в пользу активных евгенических мер отрицательной расовой гигиены; они включали активное предотвращение деторождения среди финноговорящих низших классов, а также среди многих других групп, считающихся биологически «бесполезными» с физической, психологической, моральной и социальной точек зрения. Предполагаемые средства включали отказ в мерах по обеспечению благосостояния и праве на вступление в брак; стерилизацию и институционализацию; даже кастрацию [24, с. 139].

Некоторые из финскоговорящих врачей считали, что евгенические рассуждения были нецивилизованными: действительно цивилизованная нация позволила бы даже самым слабым её членам производить потомство. Этот принцип любви к человечеству продолжался, например, в финской медицине после Первой мировой войны. Задача медицины и повышенного уровня гигиены заключалась в том, чтобы «демократизировать» финский народ:

вместо игнорирования самых слабых и запрета на продолжение рода, они должны были стать более сильными и активными гражданами нации.

Таким образом, была представлена идея заботливой нации. В начале двадцатого века подавляющее большинство финскоговорящих гигиенистов считали, что благополучная нация не будет обслуживаться евгеникой и ограничениями в отношении брака и деторождения в такой малонаселённой стране как Финляндия. Репродуктивные усилия требовались от всех, и подчёркивалась важность реабилитации как средства улучшения и создания работоспособности «дегенеративных» людей. Финские гигиенисты были больше озабочены предпосылками здоровья, в том числе умственными и физическими факторами. Однако среди финскоговорящих гигиенистов было меньшинство, которое поддерживало идеи социальной и расовой гигиены, а война 1918 г. привела к радикализации этого проекта в 1920-х и 1930-х гг. [24, с. 13–23, 26, 30, 35, 41, 86, 142, 279–281; 28, Halmesvirta A., с. 219].

Учитывая взгляды Таннера на гигиену и здоровье скольт-саамов, можно предположить, что его позиция в отношении национальных дебатов по (расовой) гигиене была явно противоположна мнению финско-шведских врачей и была почти такой же, как и у финских участников дискуссий. Независимо от того, подвергался ли он влиянию прямой дискуссии или финским аргументам, это невозможно было проверить, — Таннер не ссыался на дебаты, поэтому нужно быть готовым к тому, что позиция Таннера и его программа усовершенствований национального здоровья скольт-саамов базировалась на других источниках. Однако он ссыался на необходимость вмешательства со стороны медицинских экспертов, которые могли намекать, что он знал о дискурсе.

Таким образом, Таннер оказывается в проблемных областях расовых исследований. Гигиенический дискурс касался как индивидуальной морали, так и коллективного здоровья нации. Таннер иногда добавлял моральный элемент в свои тексты: в *Антропогеографии* он упомянул сифилис среди угроз и проявил тенденцию представлять скольт-саамов как людей с высокой сексуальной моралью, недостаток которой представлял бы серьезный риск для здоровья нации в евгеническом дискурсе [12, с. 329; 29, Tanninen M., с. 160].

В течение тысячелетия существовала долгая литературная и (часто любительская и повторяющаяся) научная традиция в отношении изображений саамов, в которой за несколько сотен лет до карьеры Таннера перестали сравнивать саамов с обезьянами по внешнему виду и сексуальному поведению. Однако обезьяны фигурировали в расовом дискурсе, так как определённые группы людей с маленьким телом классифицировались как промежуточные между обезьяной и человеком. Эта категория называлась пигмеями. Самой большой

группой, которую можно отнести к этой промежуточной позиции, были чернокожие, которые иногда считались сродни приматам [8, с. 40–44; 9, с. 119]. Обратите внимание на категоризацию воображаемых прототипов саамов, с точки зрения Таннера, — полупигмеев. Внутритекстовые источники для этого термина потенциально многочисленны, но они не отличаются положением пигмейских рас в эволюционных терминах, где они занимают самое низкое место⁷. Дискурс о расовых различиях был близок Таннеру, временами приводящему к идентификациям, которые позиционировали его в сомнительном уголке расовых исследований.

В *Антропогеографии* Таннер использовал несколько методов физической антропологии. Он определил, что скольт-саамы были смешанной расой, опираясь на метод, полученный на основе любительской физиогномики, анализа, основанного на первых впечатлениях при взгляде на черты лица саамов, которых он встречал [12, с. 282–286]. Таннер также выразил надежду на исследование психической антропологии, мысли и эмоциональной жизни скольт-саамов. Это последнее свидетельствует о некоторой степени готовности со стороны Таннера пройти от чисто количественной интерпретации рас в социально-биологическом направлении, применяя аналогии из расовых измерений в сфере культуры и социальных характеристик.

Расовая психология и изучение психических характеристик групп людей были предметом дискуссий, критиковались за использование субъективных, непроверенных данных, например, Хальвданом Брином (даже если он использовал их в своих исследованиях), Кристианом Шрайнером (также в его научно-популярных работах) и Германом Лундборгом, который считал, что этот научный аспект потребует более подробного наблюдения [9, с. 88–90, 133, 152]. Таннер оставался главным образом на количественной стороне, однако, избегая нормативно-описательных пассажей о расах.

Выводы: Таннер — социальный эволюционист

Как уже упоминалось, Пауло Сусилуото считал, что Таннер не представил никакого объяснения расовой биологии в своей интерпретации общества и культуры скольт-саамов [6, с. 16]. Ключевым моментом здесь является расовая биология, наиболее агрессивные результаты которой Таннер оспаривал. По-видимому, он разделял расовую парадигму, но расовая дискуссия в его книге заключалась в обсуждении «фактов», результатов текущих научных исследований, доказательств (желаемых) карельского происхождения саамов. В то время

⁷ Этот термин может исходить от Бриана, Хальвдана: *Menneskerasene og deres utviklingshistorie*, Olaf Norli forlag, Oslo 1925, в списке литературы в *Антропогеографии*.

это были законные элементы научного дискурса, которые можно было обсудить научным образом и, в случае с Таннером, они могли быть и были выбраны для трансформации негативного образа скольт-саамов. Проблема заключалась в том, что сама схема и дискурс, которые Таннер использовал для поднятия и расстановки групп людей на лестницах рациональности и адаптации, по-прежнему позиционировали скольт-саамов как занимающих самое низкое положение на расовых и общественных лестницах.

Решающим вопросом при определении позиции Таннера в области расового мышления является то, что он различал и признавал расовую вариацию умственных способностей. Явные размышления о предполагаемом превосходстве германской расы отсутствуют, и он не использовал термин «арийская раса» в книге. Тем не менее, восприятие Таннером западной формы как более сильной культурной и экономической очевидно при кодировании саамов как восточной группы, и восприятие Таннером славянских импульсов: обе группы считались более низкими. С другой стороны, способ Таннера по обращению с оленеводством демонстрирует чувствительность к разным видам, контекстам или экологически обоснованным рациональностям. Такой вид культурной относительности стал правилом только после идеологического краха физической антропологии после Второй мировой войны.

Если не раса определяла культуру скольт-саамов, то тогда что? Таннер был явным социальным эволюционистом, подчёркивавшим роль экономики: он показал, как натуральное хозяйство должно уступить место экономическим формам, которые лучше отвечают потребностям нынешнего времени. Это уже происходило среди полукочевников региона, и также было бы судьбой крестьян, если бы регион или глушь «внезапно» модернизировались.

Таннер подчеркнул роль современного транспорта и дорог, доходящих до мест проживания скольт-саамов, что приводит к притоку более дешевой пищи, что, в свою очередь, сделает натуральное хозяйство невыгодным. Культурные импульсы заклеямили бы старые средства существования как нежелательные перед лицом преимуществ современной жизни. Таннер считал модернизацию положительной и ссылался на уже существующую сильную модернизацию из-за импульсов из культивируемых районов. Риск состоял в том, что модернизация могла бы сделать условия жизни настолько лёгкими, что это привлекло бы свободное и ленивое население в регион. В таком случае, «естественный отбор» среди «самых сильных персонажей» («voimakkaimmat luonteet») был бы сложнее, выделяя социальные эволюционистские черты, по мысли Таннера [30, с. 79–80, 83, 90].

В течение 1920-х гг. Таннер написал сводный документ о полунумадизме скольт-саамов, в котором он описывал природу и окружающую среду как элементарную силу в по-

строении материала и полукочевого культуры. Основы полукочевого способа управления были заложены на ранней стадии истории в периоды естественного самообеспечения.

Природа и окружающая среда были основаниями, экономика была движущей силой, способом организации экономической жизни, которая затем формировала культурную форму. Последние упоминаются в диалектическом отношении друг к другу, добавляя материалистический смысл идеям Таннера. Таким образом, культура носила природный характер, типичный образ мышления о слоях культуры среди буржуазии, которая оказалась в безопасности на верхних ступеньках лестницы идеальных, высших форм культуры [9, с. 184].

Интеллектуальная культура также могла бы развиваться за счёт культурных заимствований, но она была функцией материальной культуры для Таннера (сравните Халвдана Бри-на, для которого культурная эволюция была побочным продуктом биологической эволюции человечества [9, с. 127], который предлагает ключ к возможности, по крайней мере, возможности развития внутри культуры.⁸

Примечательно то, что Таннер склонялся не к финско-шведскому евгеническому дискурсу, а к финскому гигиеническому дискурсу и к своей собственной схеме экономики как основополагающему элементу культуры. По этому поводу Таннер демонстрирует свою независимость как учёный, способный отделить себя от расовых дискурсов. Сусилуото прав в том, что Таннер искал порядок в обществе скольт-саамов из общественных обычаев, а также от природы, а не от перспективы расы [6, с. 16]. Таннер использовал расовые исследования для того, чтобы поднять положение скольт-саамов в тех категориях, и, кроме того, использовал понятие «тип» в некоторых отрывках книги в качестве объяснительной категории. Количество переменных привело к разрыву в расстановке приоритетов: иногда раса удостоивалась грандиозной роли, которую она получила ретроспективно в более сомнительных сегментах расового учения. Эта глава относится к числу отрывков в книге, которая не была завершена, поскольку у Таннера явно не хватило времени, чтобы упорядочить порядок переменных, которые бы раскрыли рассуждения Таннера по многим, частично противоречивым направлениям.

Как и в археологии и истории, физическая антропология может быть использована для построения нового образа прошлого и национальной идентичности путем гомогенизации, диверсификации или переопределения этнической принадлежности археологических культур [31, Okkonen J., с. 65, 68]. Таннер принимал участие в этой борьбе, которая имела отношение как к прошлому, так и непосредственно к настоящему даже с расовой точки зрения.

⁸ ATUM, AVT, box 4, folder 4, Notater om samiska forhold (рукопись без даты).

Он восстанавливал историю рас и поселений, в которой ключевым моментом являлся первый пришедший носитель чистой расы до того, как он несколько позднее ассимилировался с другими народами.

Несмотря на частичную неудачу в создании последовательных предысторий в книге, расовые исследования были для Таннера не только авангардной, но и обычной наукой, где он использовал типологию, созданную Томасом С. Куном; расовые исследования были законной отраслью науки в её стремлении попытаться понять народ и его будущее. Расовые исследования были также законным средством для Таннера убедить академический мир в его исследовательских навыках и в том, что он был авангардистом.

Литература / References

1. Kemiläinen A. *Suomalaiset — outo Pohjolan kansa, Rotuteoriat ja kansallinen identiteetti*, Helsinki, Suomen Historiallinen Seura, 1993, 428 p.
2. Lake M. and Reynolds H. *Drawing the Global Colour line, White Men's Countries and the International Challenge of Racial Equality*, Cambridge, Cambridge University Press, 2008, 376 p.
3. Tydén M. *Från politik til praktik, De svenska steriliseringslagarna 1935–1975*, Stockholm, Stockholm universitet, 2002, 622 p.
4. Lehtola V.-P. *Saamelaiset suomalaiset — kohtaamisia 1896–1953*, Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2012, 532 p.
5. Kylli R. *Saamelaisten kaksi kääntymystä, Uskonnon muuttuminen Utsjoen ja Enontekiön lapinmailla 1602–1905*, Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2012, 320 p.
6. Susiluoto P. Suomen ajan ihmismaantiedettä Petsamossa, *Ihmismaantieteellisiä tutkimuksia Petsamon seudulta, 1 Kolttalappalaiset* / ed. Susiluoto P., Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000, pp. 9–31.
7. Gunaratnam Y. *Researching Race and Ethnicity, Methods, Knowledge and Power*, London, Sage Publications, 2003, 224 p.
8. Isaksson P. *Kumma kuvajainen, Rasismi rotututkimuksessa, rotuteorioiden saamelainen ja suomalainen fyysinen antropologia*, Inari Kustannus Puntos, 2001, 402 p.
9. Kyllingstad J.R. *Kortskaller og langskaller, Fysisk antropologi i Norge og striden om det nordiske herremennesket*, Oslo, Scandinavian Academic Press / Spartacus Forlag AS, 2004, 226 p.
10. Rosberg J.E. *Laplynne*, Helsingfors, Söderström, 1922, 204 p.
11. Cvetkovski R. Introduction: On the Making of Ethnographic Knowledge in Russia, *An Empire of Others, Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR* / ed. Cvetkovski R. and Hofmeister A., Budapest — New York, Central European University Press, 2014, pp. 1–22.
12. Tanner V. Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. 1 Skoltlapparna, *Fennia*, 1929, No. 4, volume 49, pp. 1–518.
13. Rosberg J.E. Anteckningar om lapparna i Finland, *Geografiska Föreningens Tidskrift*, 1910, volume 22, pp. 1–127.
14. Mogilner M. Beyond, against, and with Ethnography: Physical Anthropology as a Science in Russian Modernity, *An Empire of Others, Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR* / ed. Cvetkovski R. and Hofmeister A., Budapest — New York, Central European University Press, 2014, pp. 81–119.
15. Friis J.A. *En Sommer i Finmarken, Russisk Lapland og Nordkarelen, Skildringer af Land og Folk*, Christiania, Alb. Cammermeyer, 1871, 390 p.
16. Helland A. *Norges land og folk topografisk-statistisk beskrevet 20 D. 2, Topografisk-statistisk beskrivelse over Finmarkens amt Befolkning og historie*, Kristiania, Aschehoug, 1906, 767 p.
17. Wiklund K.B. Språken i Finland 1880–1900, *Ymer*, 1905, volume 25, pp. 132–149.

18. Nickul K. *The Skolt Lapp Community Suenjelsijd during the Year 1938*, Stockholm, Nordiska Museet, Hugo Gebers förlag, 1948, 90 p.
19. Molarius P. "Veren äänen" velvoitteet — yksilö rodun, perimän ja ympäristön puristuksessa. *Uusi uljas ihminen, eli modernin pimeä puoli* / ed. Härmänmaa M. and Mattila M. Jyväskylä, Atena Kustannus Oy, 1998, pp. 94–116.
20. Hakosalo H. Elsa Ryti ja naisen mahdollisuudet 1920-luvun suomalaisessa lääketieteessä, *Historiallinen Aikakauskirja*, 2012, volume 110, pp. 35–50.
21. Knapas R. Språkstrid och högerextremism. *Finlands svenska litteraturhistoria, Andra delen: 1900-talet, Uppslagsdel* / ed. Zilliacus C., Helsingfors — Stockholm, Svenska Litteratursällskapet i Finland, Bokförlaget Atlantis, 2000, pp. 140–142.
22. Mattila M. Suomen ruotsinkieliset ja laadukkaamman väestön vaatimus. *Uusi uljas ihminen, eli modernin pimeä puoli* / ed. Härmänmaa M. and Mattila M., Jyväskylä, Atena Kustannus Oy, 1998, pp. 117–141.
23. Nyyssönen J. The Control of the Cultural Borders between the Finns and the Skolt Sami, From Ambivalence to Respect of the Border, *Journal of Northern Studies*, 2009, volume 3, pp. 43–54.
24. Halmesvirta A. *Vaivojensa vangit, Kansa kysyi, lääkärit vastasivat – historiallinen vuoropuhelu 1889–1916*, Jyväskylä, Atena Kustannus Oy, 1998, 338 p.
25. Thuesen S. *Fremmed blandt landsmænd, Grønlandske kateketer i kolonitiden*, Nuuk, Forlaget Atuagkat, 2007, 398 p.
26. Heinonen V. *Talonpoikainen etiikka ja kulutuksen henki, Kotitalousneuvonnasta kuluttajapolitiikkaan 1900-luvun Suomessa*, Helsinki, Suomen Historiallinen Seura, 1998, 448 p.
27. Kylli R. *Kirkon ja saamelaisten kohtaaminen Utsjoella ja Inarissa 1742–1886*, Rovaniemi, Pohjois-Suomen Historiallinen Yhdistys, 2005, 530 p.
28. Halmesvirta A. Sports as Panacea: Hygiene and the Rise of Sports Movement in Finland, 1880–1920, *Ideology and Argument, Studies in British, Finnish and Hungarian Thought*, Helsinki, SKS, 2006, pp. 204–221.
29. Tanninen M. Halun ja järjen taistelukentillä, Sosiaalihygieenisen seksuaalimoraalin vaatimukset Max von Gruberin luennossa, *Die Prostitution vom Standpunkte der Sozialhygiene aus betrachtet* (1900), *Relatiivisuuden ylistys, Kirjoituksia tieteen ja tieteiden historiasta* / ed. Koivunen L. and Tunturi J. Turku, Turun yliopisto, 2013, pp. 153–168.
30. Tanner V. Voidaanko Petsamon aluetta käyttää maan hyödyksi? Keinoja ja tarkoitusperiä. *Fennia*, 1927, No. 3, volume 49, pp. 1–122.
31. Okkonen J. «Rodullisen erityisyyden» paradigman muotoutuminen Japanissa 1940-luvulla, *Vieraan rajalla* / ed. Alenius K. and Fält O.K., Rovaniemi, Pohjois-Suomen Historiallinen Yhdistys, 2012, pp. 65–72.